

ПРОВЕРЛЕНО
1937 г.

1425

1937/10

20319

~~25258~~

**АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК**

ПРОВЕРЛЕНО

ИЗВЕСТИЯ
ПО
РУССКОМУ ЯЗЫКУ И СЛОВЕСНОСТИ
1930

ТОМ III, КНИГА I

файл

**ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД 1930**

«Слово о полку Игореве» и древнеславянский перевод библейских книг

Историки древней русской литературы изучали ее памятники, большую частью исходя из потребностей иных, хотя и смежных с нею, дисциплин. Этими памятниками, после филологической обработки их, то пользовались как историческим источником вообще, то как материалом для культурно-исторических, а чаще — церковно-исторических построений; их комментировали — а теперь этот прием снова стал модным — с точки зрения социологической, порою переступая границы научной трактовки вопроса и впадая в ничем не прикрытую публицистику. С точки зрения временной «целесообразности» я не могу отрицать возможности такого «подхода» к литературному материалу; но вместе с тем полагаю, что давно уже пора отойти от представления о словесном творчестве, как о чем-то служебном, а не как о самостоятельной отрасли художественной деятельности, и к памятникам древнерусским отнестись, как к памятникам «словесного искусства» (хотя бы и чуждой нам и далекой эпохи), каковыми они являются прежде всего.

Только подходи к памятникам древнерусской литературы с этой последней точки зрения, мы увидим их специфические черты и разглядим в них следы обусловленности их различными факторами. По завершении этой работы созреет момент и для социологического истолкования этих продуктов художественного творчества в слове.

Между тем изучению художественной стороны древнерусских памятников словесности посвящено, скажем прямо, ничтожное количество работ, да и те имеют значение, как подготовительные, а — порою совершенно случайны, являясь как бы привеском к работе ученого автора, преследующего совершенно иные, культурно-или церковно-исторические цели.

Хотя для русского историка древней русской литературы осталось еще немало работы по разысканию, критическому изучению и изданию памятников, все же, думается, история создания памятников, изучение композиции и стиля их — является

одной из очередных задач русских филологов, не пренебрегающих стариною. Исследование истории древнерусского словесного искусства отчасти усложняется тем обстоятельством, что и композиция, и стиль, вообще художественный язык древнерусских памятников оригинальных — были подсказаны, как можно уже догадываться а priori, — в значительной степени византийскою литературою. А отсюда становится ясно, что при наличии такой зависимости древнерусской оригинальной от переводной — стилистический анализ памятников первой должен исходить из наблюдений над памятниками второй и всегда базироваться на сравнительном изучении художественного языка переводных памятников и оригинальных, которые иногда могут оказаться подражательными в гораздо большей мере, чем это кажется на первый взгляд. Примером может служить наша древняя летопись, где даже некоторые события, по обследовании стилистической стороны ее, — оказываются заимствованными стилистическими формулами.¹

При этом становится понятно, почему при стилистическом анализе древнерусских памятников среди возможных «образцов» из области переводной литературы должны стоять памятники наиболее известные русским грамотеям, наиболее авторитетные и влиятельные, самое подражание которым было естественным следствием их, так сказать, «законодательного» значения: одним словом — надо начинать с изучения стилистических особенностей славянского перевода библейских книг ветхого и нового завета, а затем — книг, обычно употреблявшихся в богослужении.

В предыдущих моих работах я неоднократно касался вопроса об отношении языка и стиля «Слова о полку Игореве» к языку и стилю библейских книг.² «Слово» создано почти через 200 лет после официального водворения христианства на Руси; но нет сомнения, что славянские библейские книги были известны среди русских славян, особенно среди пнушего и более культурного слоя их, еще задолго до крещения Руси. Нет сомнения, что в XI в. русскому читателю были уже известны: Евангелие, Апостол, Апокалипсисе, а из ветхозаветных книг — Псалтирь, Пророки (известны в 1047 г.), а также другие книги, поскольку части их вошли в Паримейник. Поэтому трудно допустить, чтобы эти появившиеся у восточных (русских) славян памятники письменности, притом особо чтимой, не вызвали соответственного подражания и притом, скорее всего, в языке и стиле.

¹ См. мою статью «До питання про літературні джерела давнього українського літопису», Ювілейний Збірник на пошану акад. М. С. Грушевського, т. II, 1929.

² В. Н. Перетц. Слово о полку Игоревім. Памятка феодальної України-Руси, XII в., Киев, 1926, Коментар (passim); К изучению «Слова о полку Игореве», Л. 1926, стр. 55—75; «Слово о полку Игореве» и исторические библейские книги. Сборник в честь А. И. Соболевского, 1928, стр. 10.

Термин «стиль» употреблялся и употребляется в различных значениях. Здесь и ниже мы принимаем термин «стиль», как обозначение совокупности или, точнее сказать, системы изобразительных средств и приемов словесного творчества, сигнализирующей об эстетических потребностях того или иного класса; ясно, что при этом «модным» стилем — будет являться стиль, отображающий эстетические устремления руководящего в тот или иной исторический момент класса. В эпоху феодализма с преобладанием при нем духовенства, как носителя уместной, так называемой духовной культуры, — вполне естественно ожидать, что законодателем и «общепризнанным» образцом литературного вкуса — будет та литературная форма, в которую облечено содержание книг, обслуживающих потребности культа и служащих наиболее полно выражением его идеологических основ. Такая литературная форма была дана древней Руси библейскими ветхозаветными и новозаветными книгами, которые поэтому для историка древнерусской литературы являются отправным моментом при изучении древнерусской стилистики.

Не имея своей, выработанной веками культурной жизни, литературной речи, древние русские писатели были вынуждены в создании своего художественного языка идти велед за готовыми его образцами, повторять их и приспособлять заимствуемое и создаваемое по этим образцам — к своим потребностям, к новым ситуациям, к условиям нового быта. При этом, однако, иногда язык и стиль древнерусских памятников оказывался до такой степени близким, даже порою тождественным с древнецерковнославянским, что при чтении их рождается мысль, не с югославянским ли памятником в русской копии имеем мы дело; таково, например, известное «Слово о законе и благодати» митр. Илариона. Обратимся ли мы к столь несомненно-русскому памятнику, как древнейшая летопись, — и тут, в ее рассказе найдем повторение словесного арсенала библейских книг, особенно исторических. Это особенно заметно в терминологии военного быта:

Полк: например, «полкъ израилев на Гавафон» 3 кн. Царств; «въ полцѣ силнѣ», там же.

Полчище: «въ полчище къ Иусу», кн. Ис. Навина.

Рать: «изиде на рать», Ис. Навина, «на рать минуша», там же; «и укѣрши на ня рать», Исая; «егда бо узрят дѣломъ лжу суцу ваше прорицание, рать и събъ и плѣненіе», толк. на Иезек. 13, 14.

Труба: «Въструбите трубою . . . и не будет грядущаго на рать» Иезек. VII, 14; «въструбите трубою», «въ трубы въструбать», и др.; кн. Сам.: «и въструби Юавъ трубою и сташа вси людье», 2 кн. Царств и др.

Хоругвь: «хоруговую възмахающе», кн. Суд.; «хоругви колѣна израилева», кн. Сам. и мн. др.

Мечь: «извлѣци мечь и убий мя», кн. Суд.; «падугъ высоціи мечемъ, дубрава же съ высокими падется», Исаия; «крѣпціи ваши под мечемъ падутъ и отнегутся», там же; «вси избранніи . . . мечемъ падутъ», Иезек.; «наострися мечь», там же; «се азъ наведу на тя мечь», там же; «падоша вси мечемъ», там же, а в толковании на Иезек. V, 2 — «мечь же ратныхъ пришествіе являетъ и бышаціи отъ нихъ съча, рассыпаніе и плѣненіе» и т. п.

Сабля: «се азъ на тя изъмъкну саблю свою ис капи ея», «изидетъ сабля моя отъ капи своея», Иезек., а в толков.: «явѣ, яко саблю мученіе наречетъ», «аки саблю изъмъкну» и т. под.

Лукъ: «лукъ свой напряже», «напрягоша лукъ свой», «напряжетъ лукъ свой», Псалт.; лукъ и стрелы часто в кн. Царствъ и у пророковъ. Встрѣчаемъ и другое названіе его, употребляемое и в летописи: «напряже рожаникъ свой», Плачь Иерем.

Накопецъ, целый переченьъ оружия разнаго рода — у прор. Иезек., XXXIX, 9: «и пожегутъ оружиемъ, и щиты, и копїи, и рожаники, и стрѣлами, и издручьми, и луцями, раждегутъ ими огнь», Толк. прор. Мих. мон. № 1642, л. 229.

Наряду съ этимъ отметимъ несколько выражений, ставшихъ обычными в летописномъ повествованіи: «приде въ Иерусалимъ съ силою тяжкою зѣло», 3 кн. Царствъ; «посла царь асурискъ . . . къ царю Иезекии съ силою тяжкою зѣло», там же, кн. 4, ср. обычное летописное «въ силѣ тяжцѣ». «Царь же южьскы сътворитъ с нимъ съчь силою великою и крѣпкою зѣло», Дан. В библейскомъ выраженіи: «и повоюютъ на ню и возмутъ ю и пожегутъ огнемъ и грады иудины», Иерем., — нетрудно увидѣть прототипъ аналогичныхъ летописныхъ сообщений, какъ и в описаніи начала битвы: «иноземцы кликнуша и потекоша противу ему», кн. Суд.; «и съкоша градъ ихъ мечемъ», Ис. Навина; «съчь велика зѣло», там же; изображеніе осады города см. у прор. Иезек., а поля битвы — у Ис. Навина.

Такую же военную фразеологию и словарь находимъ и в переводныхъ историческихъ сочиненіяхъ, — в Хроникѣ Амартола и в Исторіи паденія Иерусалима Иосифа Флавія. Кое-что болѣе искусственное в ихъ языкѣ в процессѣ дальнѣйшаго роста художественнаго литературнаго языка — на русской почвѣ не привилось, но главная масса прижилась и чрезъ историческую литературу, сложившуюся в первые века письменности на Руси, была доведена традиціей до позднихъ временъ, до конца XVII в.

Все сказанное выше можно было бы допустить а priori; но в целяхъ уточненія роли стили библейскихъ книгъ в созданіи художественнаго языка светскихъ лите-

ратурных памятников древней Руси, в частности «Слова о полку Игореве», — я произвел заново пересмотр этого вопроса, намеченного робко и неуверенно еще Грамматиным (1823), Дубенским (1844), кн. Вяземским (1875) и Барсовым (1887—1889), и односторонне решенного Барцом на основании библейского текста в новом русском переводе, лексически и стилистически отличающегося от древнего, который только и мог быть доступен древнерусскому писателю. В комментарии к «Слову» я привлек к сравнительному изучению Паримейник, 5 малых пророков, изд. Н. Л. Тушицким, древнейшие списки Псалтири, Евангелия, Деяний и посланий апостольских и Апокалипсисе; кроме того еще нечто из древнейших копий со списка Толковых пророков Ущяря Лихого 1047 г. Исторические ветхозаветные книги — Иисуса Навина, Судей, Книги Царств и Эсфирь были использованы по списку Гос. публ. библиотеки XIV—XV в. Q. I, № 2.

Изучение поэтического языка «Слова» в сопоставлении с лексикой и фразеологией древнего перевода библейских книг обнаружило заметное влияние этих последних на «Слово», и при том далеко не в меньшей степени, чем на стиль летописи. Стилистические и лексические параллели могут быть представлены в нижеследующем перечне (ссылки — на мое издание «Слова», цифры — лист и страница).

«истягну умь крѣпостію своєю» (1 в., 94) — «Богъ прѣпоисай мя силою», Пс. XVII, 33; «и прѣпоисай мя еси силою на брань», Пс. XVII, 40; «прѣпоисавъшеся въ чресла помышления вашего», 1-е посл. ап. Петра, I, 13; «немощнии прѣпоисашася силою», кн. Суд., Сб. Соболя, 11.

«наплънився ратнаго духа» (1 в., 94) — «исплънися духъмь святымь», Ев. Лук. I, 67 и др. (см. Комментарий).

«луци у нихъ напряжени» (2 в., 96) — «лукъ свой напряже и уготова», Пс. VII, 13; «напряжетъ лукъ свой, дондеже изнемогут», Пс. LVII, 8; «напрягоша лукъ свой», Пс. LXIII, 4 и др.

«Братіе и дружино»... (3, 97) и «мужаймъся сами»... (11 в., 114) — см. соответствующее обращение к воинам Ис. Навина и речь Авессалома, 2 кн. Царств, Сб. Соболя, 11.

«Луце ж бы потяту быти, неже полонену быти» (3, 97) — «добрѣи ми бы умрети, нежели жити», Иона, Парим.; «луче бо благое творящи... муки примати, нежели злое творити», 1-е посл. Петра, III, 17.

«бѣды его насеть птицъ» (3, 98) — «...смерть унасетъ я», Пс. XLVIII, 15; «Господь насет мя и ничесоже мене лишит», Пс. XXII, 1.

«расушася стрѣлами по полю» (4, 99) — «расушася кости их при адѣ», Пс. CXL, 7; «тако и жидове рассушася от лица Христова», Толк. на Пс.

Перечень добычи (4 и 4 в., 99—100) — кн. Сам., Сб. Собола, 12.

«вельми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ» (5, 101) — т. е. предвѣщаютъ поражение; ср. «и ураниша заутра и солнце воєя на воды и видѣ Моавъ противу на водахъ, яко луча кровавы, и рече: кровь есть от оружья», 4 кн. Царств, Сб. Собола, 12.

«кликомъ поля прегородиша» (5 в., 102) — ср. «мужи израилеви... въсклибнувши и гнаша съзаци», кн. Сам., Сб. Собола, 12 и др.

«забывъ чти и живота... и своя милыя хоти» (6, 103) — «всякъ, иже оставитъ братью, ли сестры, ли отца, ли матеръ, ли жену, ли дѣти... имене моего ради», Ев. Мф. XIX, 29.

«полѣлѣя отца своего между угорьскими иноходии» (6 в., 104) — «взяша и (ц. Амесся) на конихъ и погребенъ бысть съ отци своими в Иерусалимѣ» 4 кн. Царств, Сб. Собола, 12.

«погыбашеть жизнь» (6 в., 104) — т. е. имущество; ср. «не оставиша бытія жизнянаго въ земли Израиля», кн. Суд., Сб. Собола, 12.

«слава на судъ приведе» (6 в., 104) — суд = смерть: «3-ья часть скончається от ших божиемъ судомъ», Апокал.

«стрѣлы каленыя» (7, 105) — «стрѣлы твоя изострены», Пс. XLIV, 6; «стрѣлы сильнаго изострены», Пс. СХІХ, 6.

«пустыни силу прикрыла» (7 в., 106) — «вода покры... вею силу Фараонову», Исх., Шарим. и др.

«усобица княземъ на поганья погыбе» (8, 107) — «и рать на нечестивыхъ погыбѣль», Притч. Солом., Парем.

«жѣля поскочи» (8, 107) — «желя велика есть» Быт., Шарим.; «съ плачемъ и съ желею», Поиль, 11, 12 и др.

«усниль... грозою» (9, 109) — «взиде гроза ихъ надъ веѣми людьми», Есфирь, Сб. Собола, 12.

«в'змуди реки и озера, иссуши потоки и болота» (9, 109) — «ты расторже источники и потоки, ты исуши рѣкы афамля», Пс. LXXIII, 15.

«опутоша въ путины желѣзны» (10, 111) — «вязахуть и ужі желѣзны и путы», Ев. Лук. VIII, 29; «зане многократы путы и ужі желѣзны съвязану сущо прѣтврзахуся от него ужя желѣзна и пута съкрушахуся», Ев. Марк. V, 1; «и въведоша и въ Газу и оковаша и путы желѣзны», кн. Суд., Сб. Собола, 13.

«красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю» (10 в., 112) — по случаю победы; ср.: «изидоша дѣвы ликоствующе на срѣтении Давидови... е радостию и гуельми», кн. Сам., Сб. Собола, 12.

«съ могуты. . .» (11, 113) — «Вся цесари и властели и могути», Пс. XII, 21; «да посадить я съ могутми людьскими», Пс., молитва Аннина.

«не дасть гнѣзда своего въ обиду» (11 v., 114) — «яко орель покрыеть гнѣздо свое, на птеньца своя въжажда простеръ криль свои», Пс., Птень прор. 2, 11.

«туга и тоска сыну Глѣбову» (12, 115) — «скърбя и туга на всяку душо челоуѣка» Ап. Римл. 11, 9.

«затворивъ Дунаю ворота» (12 v., 116) — «заградихъ же море враты», Иов, Парим.

«главы своя подклониша» (13, 117) — «сынъ челоуѣчскый не имать кде головы подклонити», Ев. Лук. IX, 58.

«не быеть ту. . .» (14 v., 120) — «Иеуса не быеть ту», Ев. Ио. VI, 24 и др.

«тѣи клюками подпъръ» (15, 121) — «се истиною израильтѣини въ немъ же клюки нѣсть», Ев. Ио., I, 47.

«сноны стеляють головами» и т. д. (15, 121) — битва = жатва: «ангелъ изыде изъ церкве, вѣнви веліемъ гласомъ къ сѣдѣщему на облацѣ: посли серць свой и пожни, яко приде часъ пожати, яко ише жатва земьская», Апокал. XI, 111, а толкование поясняет, что эти слова означаютъ гибель грешнымъ; ср. у Иоили, III, 13, после призыва къ войне: «испустите сръпы, яко прѣдстоить иманіе винограду, внидѣте и перѣте, яко испльни тѣскъ, изливаютьсѣ подстави, яко умножишасѣ злобы ихъ», а в толковании: «по семь же паричеть сѣчь ихъ по винограднымъ иманіемъ».

«суда божія не минути» (15 v., 122) — «бако ты избѣжиши ли суда божія», Ап. Римл. II, 5.

«по ковылію развѣя» (16 v., 124) — «и расѣя по тѣрнину и по былью», кн. Суд., Сб. Собол., 14.

«въ полѣ безводнѣ. . .» (17, 125) — «заблудиша в пустыни безводнѣ», Пс. CVI, 4, и др.

«идуть сморци мѣглами» (17, 125) — «облаци і мѣглы от буря гоними», Ап., 11-е посл. ап. Петра, 11, 17.

«погасоша вечеру зори» (17, 125) — «малъ часъ есть зорямъ, таче солнце вшедъ угасить блѣскъ ихъ», Осия, XI, толков. ст. 4.

«въшумѣ трава. . .» (17, 126) — «и вошумѣ земля и услышаша иноплеменници гласъ вопля», кн. Сам., Сб. Собол., 13.

«струи ростре на кусту» (18 v., 128) — «възмутъ рѣкы стругы своя» (Парим.).

«грозу всерожать» (4, 97) — поясняется библейским представлением о громе, как о глазе божьем, вещающем кару и гнев божий (см. данные, собранные в моем Комментарии к «Слову», стр. 177—179).

Таковы результаты стилистического сопоставления текста «Слова» с библейскими книгами, поскольку мы их имеем в моих последних работах. Но книги больших пророков мною были привлечены к сравнению лишь отчасти, поскольку они нашли себе место в Паримейнике. Не ограничиваясь последним, я их изучил в стилистическом отношении, пользуясь списком 1500 г., той же редакции, что и другие списки, восходящие к сн. Упира Лихого 1047 г.

Это — рукопись Киево-Михайловского мон. № 422 (1642), в лист ц, судя по записи писца, Гриди подъячего, списана в 1500 г. (см. Н. И. Петров. Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве, вып. II, 1896, стр. 135). Остановим наше внимание на этой рукописи, ее составе и языке. Состав — такой: прор. Иосия — начинается с толкования на I, 8 (первый лист вырван еще до конца XVIII в., следы бывшей на нем заставки — на чистом листе перед текстом), занимает лл. 1—11 об.; Иоишь, лл. 12—16 об.; Амос, лл. 17—26; Авдий, лл. 26—27 об.; Иона, лл. 28—31; Михей, лл. 31 об. — 38 об.; Наум, лл. 38 об. — 42; Аввакум, лл. 42—47 об.; Софония, лл. 48—50 об.; Аггей, лл. 51—52; Захария — без толкований, лл. 52 об. — 60; Малахия — без толк., лл. 60 об. — 62 об.; Исаия — с толк., лл. 63—144; «Сказание Епифания Кипрского о именех пророчествъ»; Иезекииль с толк., лл. 145—247; Иеремия с толк., лл. 147 об. — 280, — только гл. I—II, 12, и XXV, 15 — XLV; Послание Иеремии без толк., лл. 280—283; Варух с толк., лл. 274—275 об. вкраплен в прор. Иеремии; Плач Иеремии без толк., лл. 276—283; Даниила без толк., лл. 283—303, по толкования отдельно, в конце, а текст пророка начинается с истории Сусанны. При всех пророческих книгах даются сведения об авторах их¹.

Текст, за исключением указанных пробелов, довольно удовлетворителен; писец кое-где ошибался и делал пропуски, но затем исправлял их и притом не всегда удачно; особенно много пропусков, восполненных на полях, в тексте прор. Исаии и Иезекииля. Так, напр., у Исаии вм. «възлюби желѣжцаа» исправлено «ле-

¹ Другие списки «Толковых пророков», восходящие к тексту, известному из списков с рукоп. Упира Лихого 1047 г.: Гос. публ. библ. I. I. 461, перв. пол. XIV в.; XV в. — Чуд. 182; Кир.-Белоз. 9/136; Гос. публ. библ. I. I. 460; I. I. 3.; Каз. дух. акад. 134; Сийск. мон. 17; Нямец. серб. I; Шук. 507, 1475 г.; Тр. лавры 63 и 90, 1488 г.; Моск. дух. акад. 20, 1489 г.; XVI в. — Чуд. 183, 184, 185; Рум. 28; Синод. библ. 117, 300, 303, 318, 557, 576; Увар. 334; Каз. дух. акад.; Солов. 135; Тр. лавры 89 и др., по указанию акад. М. Н. Сперанского.

жаща» л. 130; или у Иезекииля — вм. «ни съ боязнию» исправлено «ни з бо-
лѣзнію»; или «отсужу ти в памятех своих» исправлено «в путех» и т. п.

На фоне обычного церковнославянского языка с неизбежными руссизмами в графике и фонетике и при наличии глубоких архаизмов в лексике и морфологии, отмечаем однако русские диалектологические особенности: Навуходоносор именуется то *Навходоносорь*, то *Науходоносорь* (Дан.), то *вселятся*, то *уселятся* (Иезек.), не *счнет*; мена *и* и *ъ*: *пастуси израилевъ* л. 217, *преоблѣвшу* царя 280 об.; *и* вм. *ы* *злоби дѣля*; спирант *ъ*, переданный писцом чрез *х*: *съхрадите храмишы* 231 об.; кроме того — *сесця* 278, *не съ гнѣвом сего творимо* 201, — формы, характерные для древних югозападных диалектов восточнославянской группы языков. А наряду с этим — явная, правда единственная особенность северно-великорусских диалектов: *ц* на месте *ч* «акы ластовица такожъ выщебею» (Ис., мол. Езекии), л. 113.

Этот старый перевод, которым могли пользоваться в древнейших списках наши читатели с начала XI в., стилистически значительно отличается от всех позднейших, и в особенности, конечно, от нового синодального перевода, может быть, уступающая ему в точности, но значительно превосходя его сжатостью, лапидарностью языка и вышуклостью образов. Приведу два примера, обнаруживающие различия древнейшего и новейшего перевода:

Древний перевод

Се Асурь, кударисось въ дубравѣ,
добрь отраельми и высоекъ величествомъ и
чясть кровьмь. и срѣду облакъ бысть
власть его. Иезек. XXXI, 3, л. 210.

И поставлю гору Сиирь пусту ону-
тѣвшу и погублю от нея чловѣкъ и скотъ
и мимохода и пищика. Иезек. XXXV,
7, л. 221 об.

Синодальный перевод

Вот Ассур был кедр на Ливане
с красивыми ветвями и тенистою лист-
вою и высокий ростом, вершина его
находилась среди толстых сучьев.
Стр. 1019.

И сделаю гору Сеир пустою и без-
людною степью и истреблю на ней прихо-
дящего и возвращающегося. Стр. 1024.

Из этих двух случайно взятых примеров достаточно видно, что для разыска-
ния следов стиля библейских книг в «Слове о полку Игореве», как и в летописи,
нельзя пользоваться новым переводом Библии.

Что же нового приносит для комментария к «Слову о полку Игореве» книги
больших пророков в охарактеризованной выше рукописи?

Новые данные — разного рода. Большая часть их, конечно, как и собранные
выше, указывают на зависимость лексики и словоупотребления «Слова» от библей-

ских книг; кроме того мы найдем и несколько параллелей в употреблении образов. Мы нечисляем их ниже, но предварительно обратим внимание на одну подробность: на своеобразное совпадение тематического характера.

Темой «Слова» является поход русского Северского князя Игоря на врагов (половцев), кончившийся поражением его войска и бегством остатков дружины; навшие достались в пищу птицам и зверям. В соответствии этому в древнем переводе кн. Иезекиила читаем: «И придеши от мѣста своего, от конецъ сѣверьска, тыи страны тобою, конница на конихъ вся, съборъ великъ и сила многа, и възидеши на люди моа Израиля, аки облакомъ покрыти землю, въ послѣдняя дни будеть» (Иезек. XXXVIII, 15—16, Мих. № 1642, л. 227 об.). А далее, в следующей главе пророчество называет Гога — княземъ сѣверскимъ: «Се азъ на тя, Гогъ, князя росьска, . . . и съберу и наставлю тя и възведу тя отъ конца сѣверьска. . . И възведу тя на горы израилевы и истряну ражанікъ твой отъ руки твоея лѣвыя и стрѣлы твоя отъ руки твоея десныя и поражу тя на горахъ израилевахъ, и падеши ты и вси иже у тебе, и многы страны с тобою отдадутся в множество птичьско, всему парящему и вѣмъ звѣремъ польскимъ и[м]жде ты отдах на изѣденіе; на лица полю падени, яко азъ глаголахъ, глаголетъ Адамай Господь» (Иезек. XXXIX, 1—5, л. 228 об.). Такая же судьба постигла Игореву войско, о чемъ воспоминает и автор «Слова».

Обратимся теперь к лексическим и стилистическим параллелям.

«Не лѣпо ли ны бяшетъ. . .» (1, 93), см. Комментар., стр. 134. Здесь с соответствующимъ значением («лѣпо» = пристойно) приведено из библейскихъ книгъ только «лѣпо ли есть женѣ отгрѣвеною главою молитися богу», Христ. Ап. 1 Кор. 14, 13. — Добавляем: «лѣпо есть обычай книжный вѣдѣти» толк. на Иезек. XVI, 55, л. 175 об.; «повражит и в ятрѣхъ хотя разумѣти, на кыя прежде лѣпо воевати», там же, л. 187 об.; «не вы есте подобни снасу, рече, но странамъ лѣпо есть цѣлбу приати», толк. на Иезек. XXXVI, 22, л. 223.

«растѣкашеться. . . сѣрымъ вълкомъ» (1, 93), «скачють, аки сѣрыи вълци. . .» (2, 96) и т. п. сравнения в Комментарии не были освещены библейскими параллелями; но у Иезек. находим такое изображение хищности и быстроты: «князи его среди его аки вълци въсхытающе въсхитанія», XXII, 27, л. 191.

«растѣкашеться. . . шизымъ орломъ» (1, 94); в Комментар. (стр. 137) указано: «орле высокое летаніе», толк. на Апокал.; «аще вознесиши яко и орль», Авдия, I, 4; в ст. о «Сл. и библ. историч. книгахъ» (Сб. Собол., 14) — «бѣста паче орла лычае», 2 кн. Царств.; к этому теперь можемъ добавить такие сравнения: «окрилатѣютъ яко орли и не потрудаются», Исаия, XL, 31, л. 114 об.,

и «и быша гонящии ны паче орла небеснаго», Иерем. IV, 19, л. 279. Теперь — почему автор «Слова» сравнивает Бояна с орлом? Ответ на это находим в «сказании» на Иезек. XXXI, 6: «птицами съмысленѣйшая челоуѣкы наричет (пророк), аки крилата суша, а звѣрьми иноязычныа страны назнамена», л. 210. Это толкование поясняет нам символику и других мест «Слова».

«а мои ти курыне . . . под трубами повити, под шелома възлѣбѣши, конецъ копія въскрѣмлени, . . . луци у нихъ напяржени, тули отворени, сабли изострѣны» (2, 96). В Комментарий не дано (стр. 153) библейских параллелей к этому описанию воинов, готовых к битве, кроме отдаленного места из Исх. (по Парим.). Ср. еще похвалу отличным воинам в кн. Судей и во 2 кн. Царств, Сб. Соболя, 11. Главною чертою в изображении воинов в «Слове» является перечень их вооружения; поэтому останавливают на себе внимание следующие места: «И се скоро легѣи придут, не възалчютъ ни трудятся, ни въздрѣмлются, ни поестят, ни распояшутъ поясъ своихъ отъ чрѣбель своихъ, ни раслабятся възвуззы сапогомъ ихъ. Стрѣлы остры сугъ ихъ, и роженци ихъ напяржени, ноги конемъ ихъ аки твердѣ камыкъ намѣнишася, колеса колесницамъ ихъ аки буря. Устремляются аки лви и предстаютъ аки лъвичища», Исаия, V, 26—29, л. 77 об.; при этом толкование Феодорита (там же) поясняет, что здесь подразумеваются римские воины: «В семъ словеси римляньску войну проповѣдаетъ» (ср. приведенное в Комментарий описание их, данное Иос. Флавием). Другая параллель — Иезек. XXXVIII, 4—5: «и съберу ты и всю силу твою, коня и коницы облечены въ броня вся, соборъ много, шлѣмы и мечя и щиты вся имуща. . .», л. 226 об. — 227. Еще параллель с аналогичным перечнем — в Паримейнике: «Облечется въ брѣниа правды, и възложитъ шлѣмъ судѣи нелицемѣрьнѣи, и приметъ же щитъ. непобѣдимы и прѣдѣбныи. поостритъ же глѣвъ свой въ оружии и поборетъ с нимъ весь миръ на безумьники. і поидуть праволучьныа стрѣлы мълнишы, і яко окружена луна облачна на намѣрение летать. и от камень пращѣ ярости испълнь падеть градъ» Прем. Солом. V, 18—22, Пар. Новг. Соф. библ. XIII в., № 53, л. 30. Кстати отметим здесь, что аналогичное — символическое изображение воинского вооружения встречаем и в Алфавитном Пятерике; пользуемся, к сожалению, поздним его списком (К.-Печ. лавры, ближн. пещер, № 2, XVIII в., чем объясняются украинизмы, л. 12): «Рече авва Ирыней братіамъ: подвигѣмся терпѣты браны. Воины бо есмы Христа царя небеснаго; и яко вошны царя земнаго имѣютъ шлемы мѣдяны, тако и наше воинство имать шлемы — добрая дѣла; оны имѣютъ броня желѣзны, мы же имамы броня духовны, вѣрю кованы; оны имѣютъ копія, ми же молитву; оны щиты, ми же на бога упованіе; оны имѣютъ мечы, мы же бога; оны во бранехъ кровь изливають, мы же усердіе принеѣмъ».

«а вседемъ, братіе, на свои бръзые комони» (3, 97). В Комментарий не дано библейских параллелей; в кн. «К изуч.» 63 — указано место из Иоиля, III, 9—11, имеющее лишь отдаленное тематическое, но не стилистическое сходство с данным. Указываем еще одно обращение к воинам, более близкое к «Слову»: «Еламите взяша тулы. Въседите челоѳци на кони и съборъ плъчный, и будут избрани дѳбри твоя и наплънятся оружіа, и конници заступят врата твоя и открыют врата юдина», Исаия, XXII, 6—8, л. 101 об., — место, кетати сказать, сильно отличающееся от синодального перевода.

«злато и паволокы и драгыя океамиты» (4 v, 100) — перечень драгоценных вещей; в Комментарий библейских параллелей нет, но у пророков находим нечто подобное: «и съберет крѳность всеѳ людій окрестъ злато и срьбро и ризы въ множествомъ зѳло», Зах. XIV, 14, л. 59 об., и еще: «И отшметъ господь славу ризъ их и красоты их, и выплѳтаніа златаа на главѳ, и трѳены ризныа, и мѳсяця гривешныа, и срачиця тѳнкія, и красу личную, и състроение красы славныа, и обручи и прѳстени, и мониста и записія и художнаа и усерязи и багряници и пребагрянаа, и утварь храмную, и свѳтнаа лакошьская, и синеты и червениця, и синету с златом прѳтыкану, и тончиця прѳиманы златом», Исаия, III, 18—22, л. 73 и об.

«чрѳныя тучя съ моря идуть» (5, 101) — зловещий признак; в кн. «К изуч.», 65, указано «тучя грядеть», Ев. Лук. XII, 54, но смысл этого символа раскрывается в толковании на прор. Иезекииля: «Възрыдайте, оле, оле, яко близъ день господень и приближается день облака и время страньско будетъ», XXX, 3, а в «сказаніи» к этому стиху: «... дѳло же наричет бышанцѳх мукъ время. облакъ же тму бывающую от печали и бѳды душам челоѳческамъ», л. 208. Это пояснение раскрывает и значение распространенного народно-поэтического символа. Ср. ниже Иезек. XXX, 18.

«Се вѳтри, Стрибожи внуци, вѳють съ моря стрѳлами» (5, 104). Ветер имеет определенное место и значение в библейской символике, означая нашествие врагов: «Вѳтръ южный съкруши тя въ сердци морьстѳм», Иезек. XXVII, 26, а в «сказаніи» на это место — «Вавилоняни югом наричет, ельма же югъ великы влѳны вѳставляет и буря бѳдны на плавающаа, того дѳля нашествіе ратных симъ наричет».

«своя милья хоти» (6, 103). В Комментарий дана цитата из Иезек. XVI, 15; в кн. «К изуч.», 64; — Осии II, 5, 7, 10, 12, 13; добавляем из прор. Иезекииля: «блужение твое къ хотем твоим», XVI, 36, л. 173 об.; «съберу вся хоти твоя», XVI, 37, а в «сказаніи» — «и самѳми тими хотми твоими познаю тя»,

л. 173 об. и «сѣвокупно же к хотем твоим», л. 174; «предах ю въ рудѣ хотемъ ея», л. 192 и в «сказаніи» «какова ли хотій ея злобь», л. 192 об. и к прор. «и видѣх, яко осквернися путь един обою» — «жидовскі же люди наречет, акы жену съблудившу съ хотьми от своего мужа», л. 192 об.; «и съблуди Оола от мене и възложа на хоти своя», л. 192; «Се азъ вѣставлю хоти твоя на тя», л. 193 об.

«Тогда по русской землѣ рѣтко ратаеве кикахуть». . . (6 v., 104) — подобное описание разоренной войною и опустевшей земли встречаем у Исаии и у Иезекииля, напр.: «Земля ваша пуста, гради ваши огнем пожжены, страну вашу пред вами шуждіи поядят ю и опустѣет расыпана», Ис. I, 7, л. 65. Видя опустошение русской земли, где вместо ратаев хозяйничали голодные вороны, автор «Слова» мог вспомнить слова «сказанія» на Иезек. X, 6—8: «Се глаголетъ гнѣвъ являя свой. сего дѣля рече. дамъ лице свое на ня. По сем же пакы рече. избывше от огня предани будут сѣчи и плѣненію и дѣлаемую ими землю пусту поставлю дѣлательем не сущем», л. 170 об.

«часто врани граяхуть, труція себѣ дѣляче, хотяче полетѣти на уедіе» (6, 104) и «дружину твою птицъ крилы пріодѣ а звѣри кровь поллизаша» (14, 119). К этому в Комментариях указаны параллели из прор. Иоиля, 1 кн. Царств и Апокал. (стр. 208 и 287); в кн. «К изуч.», 65, — Ев. Лук. XVII, 37, и в Сб. Собол. — из кн. Самуила. Уже эти параллели свидетельствуют о широкой популярности этой картины. Но можно добавить и еще несколько подобных же из пророчеств: Иеремия говорит о князьях и вельможах — «дамъ я врагом ихъ и будут труци их ядь птицам небесным и звѣрем землянымъ», XXX, 20, л. 259; также — у Иезекииля, особенно любящего этот образ:

«звѣрем земляным и птицам небесным дах ты в яденіе», XXIX, 5, л. 206 об.; «и простру ты по земли и ноля напльнятся тебе, и посажду на тебѣ вся птица небесныя и насыщу от чреслъ твоихъ вся звѣри земляныя и повергу плоти твоя на горах и напою поля от крове твоея, и напитается земля от гноя твоего на горах и дебри наполю от тебе», XXXII, 4—6, л. 212, а в «сказаніи» на это место — «Егда ратными уловишия, без гроба ляжеша и насытиши птица и звѣрныя ютробы, и теченія крове твоея и гноя напльнятся поля и горы съ дѣбрьми», л. 212 и об.; «. . . се надут мечем сущи въ опустѣвшихъ, и иже сущи на лицахъ полнѣ звѣрем польскимъ предаются на изѣденіе и сущаа въ градѣхъ и иже въ нещерахъ смертію поражу и дамъ землю на опустѣніе», Иезек. XXXIII, 27, л. 216 об.; наконец — «И имя же мѣсту прозвется паденіе многомужно, и очистится земля», «сказаніе»: «сиде проповѣдавъ велить птицам и звѣрїи акы на нищу прити многом

сущем и без числа тѣлесем мертвых» Иезек. XXXIX, 16; «...рци всей птицы парящій, къ всему звѣрїи польскому: съберѣтесе и придѣте, съберѣтесе от всѣх окрестнїих», Иезек. XXXIX, 17, л. 229 об. Сходство в условиях войны было, несомненно, моментом, обусловившим притяжение этого библейского образа в повествование древнерусского автора.

«древо съ тугою къ земли приклонилось» (7 в, 106). В Комментарий (стр. 217) даны только народно-поэтические параллели, символизирующие печаль, причем происхождение их — невыяснено. У прор. Иезекиили можем указать аналогичное: «Съмръчесе о нем (о ц. Египетском) дуброва и вся древа польская о нем раслабишася», XXXI, 15, а в «сказанїи» — «дубраву не горьскую наричет, но множество царства, и дресвы — князя сущая под нимь», л. 211 и об.

«пустыни силу прикрыла» (7, 106). Сначала о слове «сила» в значении «войско», как и в выражении «въ силахъ Дажьбожа внука» (= греч. *δύναμις*). К указанному в Комментарий, стр. 219—220, в кн. Исх. и Исхл., добавим: «се сила Фараоня, ишедшиа вам на помощь», Иерем. XXXVII, 7, л. 282 и «аще побїете всю силу халдѣйску», Иерем. XXXVI, 10, л. 282 и др. — Что касается «пустыни», то в Комментарий, стр. 219, предложено несколько значений этого слова, выясненных цитатами из прор. Исая, Михея, Осии и Апокалипсиса. Наиболее распространенное значение — «пустое место», «стень»: «и въ градѣх твоих пустыню сътворю и въ пустыню будещи», Иезек. XXXV, 4, л. 220; «наставлей ны въ пустыни, въ зѣ земли бесконечтїи неходими, в земли бесплодтїи и безводнїи»... Иерем. II, 6, л. 248, или — «в пустыни, въ земли несѣянїи», Иерем. II, 2, л. 248; но в поэтическом, метафорическом языке «пустыня» могла иметь и иные значения: «беда» — «аки овцыа в пустыни» (*ἐν ἄλιψείῃ*), Мих. II, 12, и «ничтожество» — «положу ти въ пустыню и въ укоризну окрестным тебе», Иезек. V, 14, л. 155 об.; наконец — «язычники»: это значение находим в «сказанїи» к Иезек. XX, 9—10: «И съпрашаюся с вами ту лицомъ къ лицу... в пустыни егуптьетѣ» — «пустыню наричет людскы страны, яже бѣаху пусты божїа разума», л. 185, что всецело отвечает значению, в котором это слово употреблено в «Слове».

«усобица княземъ на поганья погыбе» (8, 107). К этому месту Парим. дает сходное из Притч Солом.: «рать на нечѣстивыхъ погыбѣль», Комментарий, стр. 222, и в Апост., «К изуч.» 69—70. К слову «усобица» — см. Комментарий, стр. 206; добавляем к указанному там библейские параллели: к словам «И въздвигнетсе знаменїе въ страны и съберет погыбшаа израилевы»... Исая, XI, 12, читаем Феодоритово «сказанїе»: «...сего дѣля бо бысть им прѣвое добро и усобица».

бица в них присташа и рвеніи из них погыбоша и вражда вся изгнася от них», л. 92; в «сказаніи» того же на «Се владыко господь Саваооѣ отыметъ жидовскыя отъ Иерусалима». . . Исаия, III, 1, находим: «не сътвори бо ихъ богъ, да будутъ сице зли, но могы убо възбранити имъ, юсобицу въставити попусти имъ», л. 72.

«кликну кар'на и ж'ля поскочи по Руской земли» (8, 107). В Комментар. стр. 224, даны параллели изъ кн. Бытія и изъ прор. Иоиля. Слово «желя» с производными широко употребляется в библейскомъ языкѣ; примеры: «къ вечеру будетъ желя и прежде заутришы», Исаия, XVII, 14, л. 99 об.; «и обращу желю ихъ на радость», Иерем. XXXI, 13, а в «сказаніи» читаем — «желя премѣнитесь на радость покаяніемъ», л. 254, и немного ниже: «Гласъ въ Рама слышися, желя и плачь и въплъ», Иерем. XXXI, 15, л. 254. Это же сочетание, напоминающее «Слово», встречаемъ и в другомъ мѣстѣ: «И призна господь Саваоо въ тѣй день и плачь и желю и обрѣсеніе и препоясаніе въ яриги», Исаия, XXII, 12. Наряду со словомъ «желя» («ж'ля») — производные: . . . «въздыханіе жельныхъ чреслъ есть», Иезек. (XXI, 6?), а в «сказаніи» — «желю же чрьсельную наричетъ, имъ же помысль мужескый плода отъ чреслъ исходить», л. 197, или тамъ же, в «сказаніи» — «еже есть обычай творити жельнымъ», л. 197; «сму ни плакатися, ни жельныхъ образъ взяти», л. 197 об.; в «сказаніи» — «наріе сихъ нечаялю истуживше еи вѣщи сановныя поврѣгутъ, и красную зѣло ризу съвлекутъ съ себе и весь жельный образъ възмут, боящеся тожде под'яти», л. 200 об.; «съвлеци, Иерусалиме, ризы жельныя», Варух, V, 1, л. 275; «путіе Сиона желѣють», Плачь Иерем. I, 4, л. 276; «и унишися и ужелѣши», тамъ же, IV, 21, л. 279 об.; «Въ ты дни азъ Давіиль бѣхъ желѣя», Дан. X, 2, л. 297 об. Не лишнее отметить, что слово «желя» с производными в библейскихъ книгахъ употребляется едва ли не чаще, чемъ в русскихъ памятникахъ, например, в летописи.

«а жены Рускыя въсплакашася» (8 v, 108). В Комментар. библейскихъ параллелей нетъ; но можно привести изъ пророчества на поражение царя Египетского: «дщери странскыя восплачются по немъ и по всей силѣ его въсплачются», Иезек. XXXII, 16, л. 213.

«И падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ» (9, 109). В Комментар. параллелей нетъ; приводимъ соответствующіе выраженія, изображающіе гибель побежденнаго врага: «и обломися въ ярости и на землю поверженъ быеть», Иезек. XIX, 12, л. 182; «Въ день паденія твоего. . . и пловци моретіи на земли падутъ, . . . и вскричать горѣ и всплѣютъ переть на главы своа» Иезек. XXVII, 27—30.

«Кають князя Игоря» (9, 109). Къ этому мѣсту укажемъ «сказаніе» къ Иезек. V, 14: «много и се зѣло горѣ нечаялю, егда ся живущіи сусѣди поемѣ-

хают погыбели и опустѣнїи» и далее: «якоже вѣм пагубу твою плакати ся тебе и въздыхати по тебе», там же, л. 156.

«иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣки. . .» (9, 110). «Погрузить» = утопить, погубить; в Комментарий библейских параллелей не дано, однако в пророческих книгах их немало, напр.: «сердце мое смятется я безаконїе погружает мя», Исаия, XXI, 4, л. 104; «и аки водотечъ погружаа славу страньску», там же, LXVI, 2, л. 143; «Въ день гнѣва своего и ярости погрузи господь, непощадѣ вѣх красныхъ вѣковъ», Плачь Иерем. II, 2, л. 277; «Бысть господь акы врагъ, погрузи Израйля, погрузи вся сыны его», там же, II, 5, л. 277 и др.

«уныша бо градомъ забрала» (9, 110). В Комментарий приведено аналогичное — «плачете вѣнїюще врата градная», из Исаии (Нарим.). У Иеремии находим более подходящее место: «Възни сердце их къ господеву, забрала Сиона да излѣютъ, яко водотѣчїа, слезы день и ночь», Плачь Иерем. II, 18, л. 278. — К слову «забрала» указано лишь соответствие у прор. Амоса — «послю огонь на забрала Тврова», I, 10; у другихъ пророковъ это слово рассеяно повсюду, особенно у Исаии, L—LIII, напр. «и възградятъ иноплеменници забрала твоя», л. 135; в «сказанїи» к Иезек. XXIII, 22 — «забрала град твоихъ разбїются», л. 193 об.; «забрала твоя и суны разорить оружіемъ своимъ. . . и рассыплетъ забрала твоя», Иезек. XXVI, 4 и сл., л. 200; и повторено в «сказанїи» — «забрала твоя разорятъ», л. 200; «и сила твоя на забралѣхъ окрестъ бѣша, но и миди въ сунѣхъ твоихъ бѣша стражїе, тулы своя обѣсиша на забралѣхъ твоихъ окрестъ», Иезек. XXVII, 11, л. 202; «сынове людїи твоихъ глаголють о тебѣ у забралѣхъ», Иезек. XXXIII, 30, л. 217; «раскопанїи забралы утверждени есташа», Иезек. XXXVI, 35, л. 224; «рече господь богъ. . . о храмѣхъ царя иудина растръзанныхъ, на острогъ и на забрала», Иерем. XXXIII, 4, л. 257 об.; «съкруши в рудѣ вражїи забрала града ея», Плачь Иерем. II, 7, л. 277 об.; «и съградятся широтѣи забрала», Дан. IX, 25, л. 297 об. и др.

«а веселїе пониче» (9 v, 110) — не имеетъ параллелей в Комментарий, но та же тема затрагивается в пророчестве, особенно в связи с предыдущимъ: «Расынася радость сердце нашихъ, избраннїи отъ пшениї своихъ умлѣкнуша, обратися в желю ликъ нашъ; о семь померкнуста очи наши по горѣ Сиони, яко погыбе: лисици проидоша ю», Плачь Иерем. V, 15—18, л. 280.

«А Святѣславъ мутенъ соизъ видѣ» (9 v, 110). К объясненїю этого сна в Комментарий (стр. 238—259) собранъ большой материал; отчасти использованы и библейские книги — Быт. XL, 41, Суд. VII, 13—15, Дан. II, IV, VII, Деян. XV, 9; можно добавить еще нечто о вере в значение снов из Дан. I, 17, л. 285 об.

и Иерем. XXIX, 8—9, где предлагается не верить разгадкам снов, даваемым волхвами, л. 251 об.

«въ Кіевѣ на горахъ» (9 v, 110). Определение места действия «на горахъ» — любимое выражение библейских книг, встречающееся часто у пророков, особенно у Иезекииля: «распасу я на горах израилевах», XXXIV, 13, л. 218, и ранее; «напасутся на горах израилевах», XXXIV, 14, л. 218 об.; «в горах израилевах князь единъ будет», XXXVII, 22, л. 266 и др.

«бѣша дѣбрь» (10, 111). В Комментарий (стр. 253) даны примеры употребления слова «дѣбрь» в Ев. Лук. III, 5, Исаяи, XL, 4 и Зах. XIV, 15 (по Парим.); приводим текст Зах. по сп. Толковых прор., где яснее видно значение этого слова: «и разведется гора Елеонская, полъ ея къ вѣстоком и полъ ея къ морю, пропадъ велиа зѣло, и уклонится полъ горы на сѣверъ и полъ ея на югъ, дѣбрь велиа. И зашыплется дѣбрь горняя ти къ прилежащи прильплет дѣбрь горняя, ти и до Наеса», XIV, 4—5, л. 59 и об.

«Уже снесется хула на хвалу» (10 v, 112). К этому месту в Комментарий (стр. 263), указаны параллели в Псалт. CI, 9 и у Осии: «славу ихъ въ бещьстїе положу», IV, 7; добавим здесь аналогичные выражения других пророков: «Видѣвше врази его посмѣяшася въ преселеніе его», Плачь Иерем. I, 7, л. 276 об.; «Въсплескаша о тебѣ вси минующей по пути, позвиздаша и покываша главою их, о дщери ерусалимли, рекуще, се ли градъ вѣнецъ славы, веселіе всея земля. Отверзоша о тебѣ уста своя вси врази твои, позвиздаша и поскрежыташа зубы», Плачь Иерем. II, 15—16, л. 277 об.; «смѣхъ быхъ вѣмъ людемъ, пѣснь ихъ весь день», Плачь Иерем. III, 14, л. 278 об.; «и быти поносу языку въ устѣхъ и въ укоризну въ странахъ», Иезек. XXXVI, 3, л. 221.

«нѣ нечестно одолѣтесея» (11, 113). Сходных библейских мест в Комментарий не указано; в пророчестве о нечестивом князе Тира читаем: «Възнесея сердце твое доброты дѣля твоея, истаѣ хитрость твоя съ добротою твоею множества дѣля грѣха твоего. На землю повергохъ тя, предъ цари дахъ тя обличити», Иезек. XXVIII, 17, л. 205, а в «сказаніи» на это место — «многу бо злобу сътвори, вышняго отпаде лика, а далѣ падъ въ посмѣянии бысть вѣмъ», л. 205 об. Стилистически эти слова ничего сходного со «Словом» не представляют, но тематически сходны, особенно если примем во внимание покаяние Игора — в летописи.

«Игорю утрѣпѣ солнцю свѣтъ» (13, 117). Пояснение этого образа имеем в двух местах у прор. Иезекииля: «И в Тафнесѣ посумрачится день, егда съкрушатъ ту хоругви египетскы и погѣбнетъ ту укоризна крѣпость его. Того же покрываетъ облакъ и дщери его въ плѣнениі отведутся», XXX, 18, и в «сказаніи» —

«... въ Пафисъ посумраченіе дни сѣмь являя бывающую тму от печали. Сего дѣля бо, рече, яко покрыеть я облак выдающая въ бѣды; не такожде бо видят свѣтъ сущей въ печали, ти бо мнят и денію въ сумрацѣ сущей», л. 209; немного ниже — о смерти фараона: «И покрыю небо, егда угаснеши, и помрачу звѣзды его, слѣнце въ облацѣ прикрю и мѣсяц не просвѣтит свѣта своего; вся свѣтила небесныя помрачу на тя и дам тму на землю твою», Иезек. XXXII, 7, а в «сказаніи» — «не вещью сему глаголетъ быти, но уловленіем печальных, сущіи бо в печали темнѣйше день ноши мнят», л. 212 об. Сжатое выражение «Слова» вполне раскрывается этим объясненіем.

«древо не бологомъ листвіе срони» (13, 118). Паденіе листьев — знак печали. В Комментаріи (стр. 282) приведено: «буду яко садъ отметнувшя своя листвія», Исаия (Парим.); паденіе листьев — провозвѣстие гнева божія: «свѣтъ небо, аки свитоць и вся звѣзды спадут, аки листвіе с лозы и яко же спадает листвіе съ смоквничія», Исаия, XXX, 4, л. 110, и ниже (повидимому, в «сказаніи» к LVI, 3) сравненіе: «отпадохом аки листвіе безаконія дѣля нашего», л. 140.

«Унылы голоса трубы трубають Городеньскіи, пониче веселіе» (14, 120); «Уныша бо градомъ забрали а веселіе пониче» (9, 110). В Комментаріи (стр. 288) библейских параллелей не указано. Почему трубы трубають уныло? Можетъ быть, оплакивая поражение Игоря, или гибель кн. Изяслава, о которомъ передъ этимъ говорится? Ни то, ни другое; ответъ — в прор. Иезек. XXXIII, 2: «И речеши к нимъ: земля, на нюже азъ аще наведу мечъ, ти поймутъ людіе земля челоуѣка одинаго отъ себе, и поставять и стражъ, ти узритъ мечъ грядущій на землю, ти вѣструбитъ трубою, ти проповѣсть людемъ, ти послушаетъ слышавый трубу, ти не снабдится, ти найдетъ мечъ, ти постигнетъ и, кровь его на главѣ его будетъ (и тѣйже яко снабдѣ, душу свою избави)», л. 214 об. Такимъ образомъ трубы трубають не въ знакъ печали по свершившемся несчастіи, а въ знакъ приближенія врага. Еще несколько параллелей ко второй цитатѣ изъ «Слова»: «И вси видашенъ тебе въ странахъ уныли будутъ», Иезек. XXVIII, 19, а в «сказаніи» — «сего дѣля уныли будутъ присно и съ тугою»... л. 205 об.; «весь сонъ твой средѣ тебе паде и вси весельници твои и вси живущей въ островѣхъ уныли будутъ по тебѣ», Иезек. XXVIII, 35, л. 203 об.; «престало есть веселіе и бубннь престаль есть... престалъ есть гласъ гусленный, и срамншася. не пиша вина, грѣка бысть оловина піющимъ, оцущѣша вси гради», Исаия, XXIV, 8—10.

«припѣвку смысленный рече» (15 v, 122). В Комментаріи (стр. 300) указаны случаи употребленія слова «смысленный» у прор. Осии и в в «Сб. Собол.» — в 3 кн. Царств. Добавим: «Како речете царю сынове съмысленныхъ», Исаия, XIX,

11, л. 100; «и съмыслени люди смыслят много и отнемогутся въ мечи», Дан. XI, 33.

«Тяжко ти головы кромѣ плечю»... (19, 129). В Комментарий (стр. 326—328) библейских параллелей нет, но следует обратить внимание на толкование к Иезек. XX, 6: «старѣйшины дому израилева кѣждо къ своимъ ужикамъ их смятошася въ тобѣ, да пролѣють кровь», в «сказаніи» же — «главѣ бо болящи нужда и тѣлу всему приати болѣзнь», л. 189 и об.

Какие выводы позволяет нам сделать собранный выше материал? Не раз уже я обращался к древнеславянскому переводу библейских книг, и каждый раз, с розысканием нового материала, в зависимости от него мои выводы должны были претерпевать некоторые изменения.

Так, подводя итоги наблюдениям над случаями стилистического, а в большей мере — словарного сходства, в статье «Слово о полку Игореве и Библия» (в кн. «К изуч.», стр. 74), я определенно высказал свою мысль. «Мы, писал я, конечно далеки от мысли утверждать, что автор «Слова» писал свою поэму, подражая библейским книгам. Но вместе с тем он не мог и избѣгнуть их воздействия», — прежде всего в отношении языка, а затем — в области воззрений и верований, предопределивших использование некоторых библейских композиционных элементов в «Слове». Книги поэтического характера, но по преимуществу, как, например, Псалтирь, Паримейник, Апокалипсис — со всем своим складом речи врезывались в память читавших и слушавших, особенно когда их изречения были изложены образно. «Талантливый автор «Слова», много заимствовавший, видимо, из традиции Бояна и воинских повестей, кое в чем использовал и знакомую ему библейскую литературу, но только в весьма ограниченных размерах, усвоив немногие поэтико-синтаксические детали и словарь». Но позже я позволил себе выразиться несколько решительнее. Заканчивая статью «Слово о полку Игореве и исторические библейские книги» (Сб. Соболев, стр. 14), я писал об авторе «Слова»: «для нас несомненно, что этот автор в своем творчестве, как и летописец, шел в колею стилистических приемов, данных библейскими книгами, используя не только детали, но и крупные композиционные единицы, встречавшиеся в богатой и разнообразной библейской письменности».

Пересматривая теперь новые данные, извлеченные из пророческих книг с толкованиями, дошедших до нас в древнейшем славянском переводе, известном во многих списках, — я позволю себе еще несколько расширить мои выводы. Теперь для меня ясно, что кроме библейской лексики, кроме отдельных, случайных художественных образов, кроме отражения библейских воззрений и верований, —

в «Слове» нашли себе место и другие библейские мотивы, которые по своему содержанию были в том или ином отношении близки творчеству автора «Слова».

Ряд словесных формул, употребленных в «Слове» на подобие библейских, например, зачи с «лѣпо», «лѣпо ли», «луци напряжени», «божий суд», «железные путы», «главу подклонити», «затворити ворота» и пр., а равным образом ряд сравнений, общих библейским книгам и «Слову» — сравнение с волком, с орлом, с птицей, охраняющей гнездо, покрывая крыльями птенцов, и т. п. — не оставляют места сомнению в том, что автор «Слова» творил в пределах стиля, данного определенной литературной традицией, притом традицией, корнящейся в библейской письменности. К этому же заключению приводит и наличие в «Слове» таких образов-символов, которые также были известны русскому читателю уже с XI в. из библейских книг, напр., образ битвы — жатвы, облака — грядущей печали, разъясненный толкованием на пророка; образ склонившегося в знак печали дерева, образ плачущих в унынии забрал, поникнувшего веселья, падающих от печали с деревьев листьев. Не только смысл отдельных слов, употребленных в «Слове» может быть правильно истолкован на основании изучения семантики библейского языка (напр. «жалость» = рвение, ревность, «жирь» = богатство, «жизнь» = имущество, достояние), но и ряд поэтических выражений получает свое истинное значение — лишь при освещении их параллелями из библейского текста и толкований на него, также известных на Руси с XI в., а может быть и ранее; так объясняется «ветер», — знаменующий нашествие врагов; значение «пустыни» — языческого народа; «жели» — плача и скорби; «кровавых зорь» — вестников поражения; угрожающего «шума травы» — тревожного знака; «унылого голоса труб», — как вестника угрожающего нападения врагов; «угасания света» для кн. Игоря. Также, наконец, повторяют в значительной мере библейские мотивы и такие, казалось бы бытовые, детали «Слова», как изображение смелых воинов, приглашение сесть на коней, обращение к дружине, перечень богатой добычи, описание опустевшей земли — без делателей — ратаяв; хищные птицы, поседающие труны павших; изображение плачущих жен, торжествующего победу пения «красных дев»; смена хвалы на хулу.

Все это, а также совпадение плана первой части «Слова» с эпизодом у прор. Иезекииля о русском северском князе, погубившем войско и давшем его на съедение птицам и зверям, — невольно наводит на мысль о более чем случайном и только лексико-стилистическом воздействии библейского повествования на ученика и последователя Бояна. И невольно мы приходим к мысли, не находим ли мы и здесь того же, что и в древнесеверном эпосе, где роль библейского влияния можно считать неоспоримой.

Вместе с тем вышеприведенные сравнения позволяют нам заключить, что мнение многих исследователей об обилии «народно-поэтических» образов, заключающихся в «Слове» — значительно преувеличено: кое-что из явлений этого рода (битва-жатва, сравнения с волком, орлом и др.) находит себе объяснение в древнем переводе библейских книг, т. е. имеет книжное происхождение.

5 II 1930.

Вл. Перетц